

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Занятие высшего положения в преступной иерархии: понятие, признаки, вопросы квалификации»

Обучающийся

К.Ю. Наливайко

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Кондратюк

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Работа посвящена проведению уголовно-правового анализа состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и конкретизации объективных и субъективных признаков состава с учетом материалов правоприменительной практики.

Объектом исследования являются общественные отношения, регулирующие занятие лицом высшего положения в преступной иерархии и образующие уголовно-наказуемый состав преступления, предусмотренный ст. 210¹ УК РФ.

Введение посвящено обоснованию актуальности выбранной темы исследования. Организованная преступность, как социально-правовое явление представляет особую угрозу внутренней национальной безопасности Российской Федерации. Во введении определены цель, задачи исследования, определены объект и предмет исследования.

В первой главе рассматривается занятие высшего положения в преступной иерархии как уголовно-правовая категория. Более детально прорабатываются и раскрываются социально-правовая обусловленность занятия высшего положения в преступной иерархии, рассматривается природа терминов, которые характеризуют занятие высшего положения в преступной иерархии.

Вторая глава посвящена юридической характеристике лидерства в преступной иерархии по действующему российскому законодательству. Рассматриваются объективные и субъективные признаки состава занятия высшего положения в преступной иерархии, исследуются квалификация и законодательная регламентация занятия высшего положения в преступной иерархии.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Занятие высшего положения в преступной иерархии как уголовно- правовая категория.....	8
1.1 Социально-правовая обусловленность занятия высшего положения в преступной иерархии	8
1.2 Природа терминов, характеризующих занятие высшего положения в преступной иерархии как уголовно-правовой категории	15
Глава 2 Юридическая характеристика лидерства в преступной иерархии по действующему законодательству.....	27
2.1 Объективные признаки состава занятия высшего положения в преступной иерархии	27
2.2 Субъективные признаки состава занятия высшего положения в преступной иерархии	41
2.3 Квалификация и законодательная регламентация занятия высшего положения в преступной иерархии	50
Заключение.....	57
Список используемой литературы и используемых источников	61

Введение

Актуальность темы исследования. Организованная преступность, как социально-правовое явление представляет особую угрозу внутренней национальной безопасности Российской Федерации. В составе организованных групп совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления. Так, по официальным данным МВД России в составе организованных групп было совершено в 2021 году 21,4 таких преступлений, удельный вес которых в общем количестве преступлений возрос с 7,8 % в 2020 году до 9,3 % в 2021 году [73].

Особую опасность представляют лидеры организованных преступных сообществ, от своевременного привлечения к уголовной ответственности которых зависит эффективность борьбы с организованной преступностью в целом. До недавнего времени такие лица, осуществляющие руководящие, координационные и другие функции, а также являющиеся идеологами криминальной среды, и тем самым представляя наибольшую общественную опасность, уходили от уголовной ответственности.

В 2009 и в 2019 гг. соответствующими Федеральными законами № 245-ФЗ и № 46-ФЗ в действующий уголовный закон были введены нормы (ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации), закрепляющие ответственность непосредственно лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Конкретно ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Несмотря на то, что по ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в 2019 году зарегистрировано - 36, а в 2020 году – 44 преступлений, в 2020 г. в суд было направлено только 24 уголовных дела [69]. Такая ситуация обусловлена рядом обстоятельств, связанных со сложностью доказывания и квалификации действий лица, в качестве занятия им высшего положения в преступной иерархии. В соответствии с данными судебной статистики, за 2021

год по ст. 210¹ УК РФ к ответственности было привлечено 8 субъектов, за 2022 год – 20, а за 2023 год – 33 лица [28].

В частности, несмотря на то, что уголовный закон апеллирует такими категориями, как «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «занятие высшего положения в преступной иерархии», однако содержание их не раскрывает, что делает данные понятия оценочными. Все это осложняет процесс квалификации и, следовательно, привлечение виновных лиц к уголовной ответственности по ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Среди ученых также отсутствует согласованная позиция относительно названных понятий, а также кто конкретно относится к таким лицам.

В исследованиях последних лет отмечается, что субъекты, состоящие в преступной иерархии на высшем положении, имеют огромный авторитет в криминальном сообществе, реализуют в них организационно-распорядительные, карательные и судебные функции.

Для обеспечения интересов указанных субъектов, обществу навязывается криминальная идеология и субкультура, предпринимаются попытки распространения воровских традиций. Обладая в большей части корыстными целями, рассматриваемые лица стремятся оказать влияние и на свои преступные структуры, и на институты социума и государства. Вместе с этим, для разделения сфер влияния и поддержания противоправного сотрудничества они взаимодействуют с главами других криминальных сообществ.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, вызывает множество споров, как среди ученых, так и правоприменителей. Все это затрудняет достижение поставленной цели введения данной ответственности в уголовный закон и обуславливает актуальность темы настоящей выпускной квалификационной работы.

Цель настоящей работы – провести комплексный уголовно-правовой

анализ состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, конкретизировав объективные и субъективные признаки состава с учетом материалов правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- выявить социально-правовую обусловленность уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии;
- определить понятие и природу терминов, характеризующих занятие высшего положения в преступной иерархии;
- исследовать теорию и практику установления объективных признаков анализируемого состава преступления;
- определить особенности субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации;
- выявить вопросы, возникающие на практике при квалификации и при законодательной регламентации уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Объект исследования составляют общественные отношения, регулирующие занятие лицом высшего положения в преступной иерархии и образующие уголовно-наказуемый состав преступления, предусмотренный ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Предмет исследования – нормы уголовного закона, закрепляющие ответственность лица за занятие им высшего положения в преступной иерархии, материалы юридической практики в части квалификации действий виновного как занятие высшего положения в преступной иерархии, а также научная литература, позволяющая раскрыть тему исследования.

Методология и методика исследования представлена диалектическим методом научного познания в совокупности со специально-юридическими методами познания, что позволило выявить элементы состава занятия лицом высшего положения в преступной иерархии в их единстве, взаимодействии и

противоречий, возникающих в правоприменительном процессе. При исследовании отдельных терминов, характеризующих занятие высшего положения в преступной иерархии, использовались формально-юридические, сравнительно и структурно-правовые методы познания, посредством анализа научной литературы, действующих норм права и материалов юридической практики. Правила и приемы формальной логики применялись при анализе ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и других нормативных правовых актов в их взаимодействии.

Теоретическая основа исследования представлена трудами следующих ученых: П.В. Агапова, Е.В. Алехина, О.А. Беларевой, В.В. Берсенева, В.Н. Боркова, В.Н. Бурлакова, А.Я. Гришко, А.В. Иванчина, С.В. Кондратюка, А.В. Кузьмина, И.В. Пантюхиной, Г.В. Перегожиной, А.В. Рагулина, П.А. Скобликова, А.В. Шеслер, К.А. Шилова и др.

Нормативная база исследования включает положения Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, а также других федеральных законов и нормативных правовых актов, позволяющих раскрыть исследуемый состав преступления.

Структурно выпускная квалификационная работа включает: введение, две главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Занятие высшего положения в преступной иерархии как уголовно-правовая категория

1.1 Социально-правовая обусловленность занятия высшего положения в преступной иерархии

Криминализация в 2009 [75] и 2019 [76] гг. ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии обусловлена была рядом факторов социально-политического и экономического характера, на что прямо указывают А.М. Моисеев и С.В. Кондратюк в своих исследованиях [49, с. 130]. Однако, прежде чем перейти к непосредственному исследованию предпосылок криминализации деятельности преступных лидеров, необходимо обратить внимание на то, что преступность, как социально-правовое явление, всегда существовала и развивалась вместе с государственностью, ее общественно-политическим и экономическим развитием. Иными словами, «преступность является спутником развития и существования любого государства» [45, с. 112], несмотря на предпринимаемые со стороны государства меры борьбы с ней.

За всю историю развития общественных отношений, в том числе в преступной среде, образовалась устойчивая система иерархических взаимоотношений, регулируемая неписанными правилами поведения, создана определенная субкультура, внутри которой существуют свои традиции и нормы. На основе субкультурных нравственных и этических началах создана уголовная (воровская) идеология, способствующая воспроизводству преступности в ее организованных и профессиональных формах [20, с. 26]. В результате преступность становится для некоторых лиц образом жизни и источником существования.

Внутри преступной среды создается определенная преступная иерархия, в которой каждый член достигает определенного криминального статуса, в соответствии с которым наделяется кругом полномочий и функций. На

вершине преступной иерархии стоит вор-в-законе, обладающий наибольшим авторитетом, консолидирующий вокруг себя представителей преступного мира, оказывающий на них влияние и являющийся так называемым «идеологом профессиональной преступности» [40, с. 261]. Обладая определенной властью в криминальной среде, преступные лидеры являются не только хранителями криминальной субкультуры, но и формируют, воспроизводят ее и насаждают молодежи, тем самым обеспечивая стабильность и устойчивость преступных сообществ.

Первые преступные объединения появляются «в конце XVII – начале XVIII вв., когда складываются корпорации бродяг, внутри которых существовала определенная преступная иерархия, состоящая из нескольких каст преступников, объединенных по убеждению и криминальной квалификации.

В начале XX в. появляются воры в законе, которые назывались «Иванами» и «казаками». Находясь в места лишения свободы такие лица зарабатывали преступной авторитет тем, что знали законы, избегали наказаний, препятствовали деятельности правоохранительных органов» [45, с. 112]. Также они могли открыто вступать в конфликт с администрацией исправительных учреждений. Среди заключенных «Иваны» выступали в качестве судей, выносили обязательные для исполнения приговоры при решении локальных вопросов в местах заключения. На свободе «Иваны» осуществляли руководство преступными организациями, совершавшими тяжкие и особо тяжкие преступления.

«Иваны» жили по определенным правилам, согласно которым они не работали, не имели семей, не могли брать оружие в руки, а также выступать в качестве потерпевшего или свидетеля [45, с. 113]. Впоследствии, лица соблюдающие данные правила стали называться «ворами-в-законе».

С 70-х гг. XX столетия «воры-в-законе» стали проникать в экономику, контролируя ее теневые сектора. В преступной среде образуются воровские кланы, возглавляемые «ворами-в-законе». Более того, демократические

процессы в России конца 80-х – начала 90-х гг. привели к тому, что лидеры криминального мира начинают легализоваться посредством участия в коммерческой деятельности, приватизации, организации банков и других финансовых секторах экономики страны. Смыкание воровских сообществ с коррумпированными чиновниками, а также разрешенная новыми «воровскими законами» возможность установления контактов с правоохранительными органами привело к созданию организованной преступности в сфере экономики и проникновению преступных лидеров во властные структуры.

Для организованной преступности становятся приемлемыми новые формы преступной деятельности в виде заказных убийств, вымогательства, различных видов мошенничества и т.д. Между преступными группировками возникают конфликты, приводящие к криминальным войнам. Развивается транснациональная преступность в сфере нелегального оборота наркотиков, создаются предприятия для легализации денежных средств, добытых преступным путем.

В результате преступные лидеры внедряются в государственные структуры и реальные сектора экономики, занимаются законным бизнесом. Одновременно с этим вся их деятельность имеет криминальную направленность и приобрела транснациональный характер. А сами преступные лидеры продолжают являться носителями преступной идеологии, распространяющие и культивирующие преступный уклад в хозяйственной сфере, в государственном управлении и среди молодежи.

Однако, несмотря на общественную опасность, которую представляли и представляют сегодня преступные лидеры, вопросы предупреждения и профилактики их деятельности являлись приоритетной задачей пенитенциарных учреждений. Администрация пенитенциарных учреждений пользовались соответствующими методиками для принятия мер по нейтрализации преступного авторитета и его преступной деятельности, изучая его поведение, осуществляя поиск и фиксируя его отступления от воровских

традиций, а также используя практику искусственного создания ситуации [15, с. 52].

Как можно заметить, противодействие и предупреждение деятельности преступных лидеров осуществлялось не в рамках правового поля, а посредством разобщения криминальных группировок и дискредитации их лидеров. До недавнего времени, таких методов борьбы с криминальными авторитетами было достаточно. Однако, современного преступного лидера отличает конспирация его антиобщественного образа жизни, который позиционирует себя законопослушным гражданином. При этом такое лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осуществляет организаторские, управленческие и идеологические функции, распространяя свое влияние, как на подрастающее поколение, так и на многие сферы государственной и общественной жизни [40, с. 261].

Деятельность современных криминальных авторитетов имеет под собой определенную социальную базу, которая, по словам, А.М. Моисеева и С.В. Кондратюка, формируется под воздействием экономической, идеологической политической и информационной политики [49, с. 131]. Далее следует рассмотреть, обозначенные учеными обстоятельства.

Во-первых, это экономическая политика. Действительно, уровень преступности всегда находится в зависимости от экономической политики государства [37, с. 52]. На общественное сознание влияние оказывают такие негативные явления, как экономический кризис, снижение уровня жизни населения, что порождает идею «допустимости насилия как средства достижения желаемого материального уровня». Из числа, лиц, испытывающих материальные трудности, находящиеся за чертой бедности и не имеющие возможность иным способом решить свои экономические проблемы выделяется группа людей, которые готовы решать свои проблемы преступным путем. Как справедливо заметили В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков, подобное прогрессирование криминализации общества стирает грань между правомерным и преступным поведением [16, с. 15]. Все это является

детерминирующими преступность факторами и предпосылками «внедрения криминальной субкультуры в общественное сознание, а значит и для укрепления преступной иерархии» [37, с. 52].

Во-вторых, идеологическая политика. Так, стирание грани между правомерным и преступным поведением, происходящее в условиях рассмотренного выше экономического кризиса, приводит к восприятию обществом преступной идеологии как нечто нормального, само собой разумеющегося. Криминальная субкультура посредством жаргона, кличек, татуировок, блатных песен, проникает во все более широкие слои населения, романтизируя преступный образ жизни, и тем самым создавая благоприятные условия для формирования криминальных взглядов и установок. Под давлением указанных факторов изменяется структура жизненных приоритетов и нравственных основ общества. Все это еще больше способствует «профессионализации и организованности преступности» [49, с. 132].

В-третьих, криминальная субкультура, замещая недостатки государственной политики в сфере культуры, становится частью культуры российского общества, формируя систему антиобщественных норм поведения. Сформированные в девиантных группах искаженные ценности, становятся жизненными ориентирами для членов таких групп. Более того, такой ситуации отчасти способствовала и действующая государственная политика в сфере культуры, романтизируя посредством некоторых произведений современного искусства преступный образ жизни и завышая материальные ценности над духовно-нравственными [37, с. 53].

В-четвертых, распространение и навязывание криминальной субкультуры, романтизация преступного образа жизни напрямую связано с недостатками государственной информационной политики. Именно посредством средств массовой информации достигаются цели проникновения преступной идеологии и субкультуры в самые разные слои населения. Неконтролируемая сеть Интернет позволяет ознакомиться и найти любую

информацию, что способствует не только криминализации населения, но и пополнению преступных организаций.

Рассмотренные недостатки государственной политики в сфере экономики, идеологии, культуры и информации являются факторами, способствующими укреплению и развитию преступной иерархии, в свою очередь, существование которой составляет одно из основных направлений деятельности преступного лидера, его функциональной обязанностью.

Таким образом, преступные лидеры, легализуя свою деятельность и проникая в важные сферы государственной, экономической, политической, экономической и другие сферы общественной жизни, выполняют свои функциональные обязанности, направленные на удовлетворение материальных потребностей преступным путем. Результатом деятельности таких лиц является развитие преступности, имеющая в некоторых сферах транснациональный характер, разложение морально-нравственных основ общества, нарушение прав и свобод законопослушных граждан и в целом, посягая на национальную безопасность государства.

В связи со сложившейся ситуацией, предупреждение и противодействие криминальным авторитетам, деятельность которых по большей части вышла из тени, стало уже невозможно только посредством администраций пенитенциарных учреждений. Поэтому, как уже отмечалось, законодатель криминализирует деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса РФ [74] (далее – УК РФ)) и само занятие такого положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ).

По мнению Н. Бурлакова и В.Ф. Щепелькова, «появление в уголовном законе самостоятельной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, является следствием эволюции организованной преступности, которая достигла высшей фазы своего развития» [18, с. 83].

Однако не все ученые восприняли введение в УК РФ самостоятельного состава преступления за занятие высшего положения в преступной иерархии.

К примеру, Н.Г. Иванов «сомневается в правильности криминализации не деяния, а статуса лица, занимающего высшего положения в преступной иерархии, в действиях которого может и отсутствовать конкретное уголовно наказуемое деяние» [33, с. 88].

А.И. Долгова задается вопросом относительно того, занятие высшего положения в преступной иерархии является результатом деяния самого такого лица или иных субъектов, которые данным статусом наделяют. По мнению ученого, некорректно криминализировать только статус лица без привязки к общественно опасным деяниям [30, с. 28]/

А.В. Шеслер также, не соглашаясь с введением в «УК РФ ст. 210¹ УК РФ, противоречащей основным принципам уголовного права и расширяющая уголовно-правовое значение общественной опасности личности, предлагает несколько вариантов выхода из сложившейся ситуации:

- исключить ст. 210¹ из УК РФ, так как привлечение к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии возможно по ст.ст. 33-35, 208, 209 и 210 УК РФ» [79, с. 112];
- в случае не исключения ст. 210¹ из УК РФ, необходимо законодательно раскрыть признаки объективной стороны данного состава преступления посредством соответствующего пояснения в примечании к данной статье и определить конкретный состав лиц, которые могут быть привлечены к ответственности в качестве лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии;
- легализовать данные оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств для предъявления обвинения по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ [79, с. 112].

По мнению П.А. Скобликова, отмечающего несовершенство ст. 210¹ УК РФ, - «только время покажет прочность таких принципов уголовного права, как законность, субъективное вменение, ответственность за деяние, справедливость» [71, с. 146].

И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина, указывая на противоречивость «ст. 210¹ УК РФ устоявшимся положениям доктрины уголовного права о составе преступления, и несогласованность с положениями института неоконченного преступления, вносят ряд предложений» [56, с. 161], направленных на ее совершенствование с целью применения.

В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков отрицают наличие общественной опасности у статуса, который может только повышать общественную опасность деяния. При этом данные ученые считают, что «ст. 210¹ УК РФ предусматривает ответственность за присвоение высшего положения в преступной иерархии» [17, с. 467].

Приведенные позиции ученых относительно целесообразности отдельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, показывают, что в настоящее время ст. 210¹ УК РФ подвергается несправедливой критике, в виду отсутствия необходимой практики применения, разъяснений Верховного Суда РФ и научно-обоснованных методик противодействия данному социальному явлению. Действительно, на практике установление всех признаков данного состава преступления для привлечения виновных к уголовной ответственности вызывает ряд сложностей. В связи с чем, нуждается в научно-теоретическом осмыслении с учетом имеющихся материалов юридической практики все признаки состава занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, чему будет посвящено все дальнейшее исследование.

1.2 Природа терминов, характеризующих занятие высшего положения в преступной иерархии как уголовно-правовой категории

Законодатель, введя в УК РФ норму, предусматривающую уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, оставил без должного внимания раскрытие некоторых категорий, которые по

своей сути не являются правовыми понятиями, а их оценочность затрудняет толкование и применение. По данному поводу М.В. Максименко, обратил внимание на то, что отсутствие легальных определений понятий, раскрывающих диспозицию ст. 210¹ УК РФ, согласуется с концепцией правового государства, не приемлющей официального закрепления терминологии неформальных групп, объединившихся по отрицательному признаку – признаку принятия ценностей и норм криминальной субкультуры [48, с. 8]. Однако, использование в уголовном законе понятий, хотя и являющихся по своей сути терминологией преступной субкультуры, уже автоматически их переводит из плоскости неформальных категорий в правовые. В связи с чем, С.В. Кондратюк подчеркивает важность конкретизации абстрактной природы дефиниций нормы ст. 210¹ УК РФ и определение значения ряда терминов, описывающих конструктивные признаки исследуемого состава преступления [38, с. 49].

Поэтому на данном этапе исследования, представляется необходимым рассмотреть такие категории, как «преступная иерархия», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», «занятие высшего положения в преступной иерархии», а также другие понятия, позволяющие раскрыть их значение.

В настоящее время определения данных понятий представлены в научной литературе.

Итак, прежде всего, необходимо рассмотреть понятие «преступная иерархия». Под таковой понимают:

- «систему отношений, сложившуюся в преступном сообществе между лицами, придерживающимися криминальной идеологии» [78, с. 113].;
- «систему подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся криминальных правил и традиций» [55, с. 418]. Примерно также понимается преступная иерархия и в судебной практике, как определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц,

соблюдающих принятые в криминальной среде правила и традиции [61];

- система организации преступного сообщества [42, с. 27];
- «криминалистические и уголовно-правовые аспекты доказывания высшего положения лица в преступной иерархии» [44, с. 27].

«Преступную иерархию нередко отождествляют с тюремной иерархией. Действительно, в основе тюремной и преступной иерархии лежат принципы тюремной субкультуры и подчиненности представителей низших ступеней высшим» [46, с. 29]. В то же время нам представляется, что преступная иерархия не тождественна тюремной иерархии, так как последняя имеет место исключительно в пределах пенитенциарных учреждений, а, соответственно, ею не могут быть охвачены все участники криминального сообщества.

Чтобы рассмотреть понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», необходимо выяснить круг лиц, составляющих преступную иерархию.

Так, в доктрине выделяют четыре основных группы тюремно-лагерной иерархии:

- «блатные»;
- «мужики»;
- «козлы»;
- «опущенные» или «обиженные» [2, с. 148].

Несколько по-иному представляют преступную иерархию Ф.Р. Хисамутдинов и А.Е. Шалагин:

- «воры-в-законе»;
- «положенцы»;
- «паханы»;
- «стремящиеся»;
- «бойцы»;
- «быки»;

- «мужики»;
- «красные»;
- «отверженные» и др. [77, с. 51]

«Признанными авторитетами в преступном мире, являющиеся профессиональными преступниками и обладающие властью, являются воры-в-законе» [24, с. 159].

Несколько шире раскрывают понятие «вор-в-законе» А.В. Рагулин и В.В. Фефелов: «профессиональные преступники, признанные лидеры преступного мира, пользующиеся авторитетом и властью, имеющие, как правило, большой криминальный опыт и посвященные в это звание (коронованные) «сходкой» воров-в-законе за последовательную приверженность нормам и традициям, утвердившимся в воровском сообществе» [68, с. 68].

Под «ворами-в-законе» понимают «лидера организованной преступной среды, активного криминального деятеля, доказавшего свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющий широкие организаторские функции в преступной среде» [11, с. 13].

А.В. Шеслер «воров-в-законе» понимает как «лиц, обладающих организационно-распорядительными функциями и безоговорочным авторитетом у носителей криминальной идеологии и соблюдающих правила подчиненности нижестоящих участников вышестоящим» [79, с. 113].

Как можно заметить, в качестве одного из признаков «вора-в-законе» ученые указывают тот факт, что они выполняют организаторские и распорядительные функции, к которым, в частности, относят:

- подготовку и руководство совершением преступления;
- организация финансирования преступной деятельности, контроль за сбором и распределением средств «общака»;
- планирование действий и распределение обязанностей среди членов криминальных структур, а также осуществление контрольных функций;

- распространяют преступную идеологию с целью вербования в преступные ряды новых кадров;
- регулируют отношения между преступными группами [32, с.98].

Однако, кроме «организационно-распорядительных функций, «воры-в-законе» выполняют нормативные, судебные и карательные функции» [42, с. 28]. В качестве нормативной функции «воров-в-законе» С.В. Кондратюк указывает на составление и распространение воровских наказов виде маляв и прогонов [42, с. 2].

Например, после прибытия Асатряна С.Э. в место лишения свободы, «другие содержащиеся там «воры-в-законе» распространили так называемый «прогон», в котором подтвердили его статус «вор-в-законе», а содержащийся там спецконтингент безоговорочно принял этот статус Асатряна С.Э.» [61].

«К судебным функциям «воров-в-законе» относятся:

- решение возникших внутри преступной группы конфликтов и спорных ситуаций;

Карательные функции «вора-в-законе»:

- определение наказаний, назначаемых членам преступного сообщества, нарушившим установленные «правила»;
- определение способа осуществления наказания;
- определение конкретного исполнителя наказания» [13, с. 15].

Если рассмотреть имеющуюся в настоящее время судебную практику «по уголовным делам, связанным с занятием высшего положения в преступной иерархии, то можно увидеть, что «воров-в-законе» понимают как лиц, обладающих непререкаемым авторитетом в преступной среде, воспринимаемых в этом качестве лицами, занимающимися противоправной деятельностью, позволяющих влиять на систему неформальных взаимоотношений, складывающихся в криминальной среде» [64].

Из данного определения можно увидеть, что в отличие от доктринальных понятий «вора-в-законе», правоприменитель указывает на два таких важных признака, как:

- восприятие конкретного лица в качестве «вора-в-законе» другими лицами криминального мира;
- оказывает влияние на систему неформальных взаимоотношений внутри криминальной среды.

Обобщив существующие в настоящее время доктринальные и правоприменительные определения «вора-в-законе», представляется возможным выделить следующие признаки:

- профессиональный преступник;
- лидер преступного мира;
- обладает авторитетом и властью в преступном мире;
- является носителем преступной идеологии;
- соблюдает «законы» воровского мира;
- имеет большой криминальный опыт;
- посвящен («коронован») в звание «вора-в-законе» посредством специальной процедуры – «сходкой» «воров-в-законе»;
- выполняет организационно-распорядительные, нормативные, судебные и карательные функции;
- воспринимается в качестве «вора-в-законе» другими лицами криминального мира;
- оказывает влияние на систему неформальных взаимоотношений внутри криминальной среды.

Некоторые ученые считают, что «вор-в-законе» тождественен лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии [23, с. 365]. Однако, по мнению А.В. Рагулина и В.В. Фефелова, «воры-в-законе» не всегда могут занимать высшее положение в преступной иерархии, «поскольку это определяется особенностями преступной деятельности конкретного лица, имеющего» данный статус [68, с. 69]. Более того, как указывают Е.Б. Галкин и С.А. Нырикова, «все «воры-в-законе» между собой равны, но среди них выделяются более авторитетные» [21, с. 32].

Представляется, что по статусу все «воры-в-законе» равноправны. Например, об этом свидетельствует тот факт, что в начале их письменного обращения друг к другу письмо фигурирует термин «Брат». Полагаем, что это имеет большое значение, в связи с тем, что свидетельствует о сильнейшей связи (подобно кровной связи). Между тем, это формальное равенство может нарушаться исходя из масштабов криминальной деятельности, размеров финансового оборота, величины территории влияния и прочих факторов. Думается, что весьма важна поддержка со стороны иных участников криминального мира, тот факт, кто «крестил» (выдвигал на получение статуса «вора») данное лицо, по каким статьям УК РФ был привлечен к ответственности. Безусловно, не менее важны индивидуальные качества и репутация в преступном мире.

Кроме «воров-в-законе», «авторитетами преступного мира признаются «смотрящие», «положенцы». Помимо авторов на это указывает и правоприменительная практика. Например, из всех привлеченных к ответственности в 2020-2023 гг., статусом «вор-в-законе» обладали 34 осужденных, а статусом «положенца» и «смотрящего» – 40 осужденных» [9, с. 5].

В частности, Вологодский областной суд по ст. 210¹ УК РФ привлек к ответственности К., Ж., А. и С. в связи с занятием ими высшего положения в преступной иерархии. Один из них был «смотрящим» за городом и контролировал «воровскую кассу», двое – «смотрящими» за иными городами, а еще один – «смотрящим» за исправительной колонией. В дальнейшем апелляционный суд подтвердил справедливость и законность вынесенного приговора [65].

По другому делу, суд вынес приговор «за занятие высшего положения в преступной иерархии С., который обладал статусом «положенца». Адвокат С. в рамках кассационной жалобы отметил, что «положенцы» не состоят на высшем положении в преступном сообществе, т.к. к ним относятся исключительно «воры-в-законе». Однако, Судебная коллегия по уголовным

делам ВС РФ сочла эти доводы необоснованными и указала, что криминальная среда функционирует на основе неписаных традиций, и ее представители применяют в процессе взаимодействия некоторые понятия, не подлежащие толкованию в нормативных документах [54].

Под «смотрящим» понимают представителя «вора-в-законе», который выполняет ряд управленческих функций, осуществляя контроль за соблюдением осужденными тюремного закона и воровских наказов [47, с. 65], поддерживает связь с криминальным миром на свободе и претендует на власть, альтернативную законной, формально установленной власти администрации учреждения [48, с. 12].

Функциональные «обязанности» «смотрящего» можно установить при анализе текста следующих определений:

- формирование и контроль за поступлением средств в «общак» (из текста определения: «С. являлся «смотрящим» за городом, формировал общую кассу из денежных средств, которые поступали от преступной деятельности на воле и в колониях, после чего общие деньги, которые были собраны по СИЗО и в колониях, передавались А., который распределял их...» [9, с. 6]);
- определение линии поведения других осужденных (из текста определения: «был «смотрящим» в следственном изоляторе, давал ему советы, как поступить в той или иной ситуации...» [53]);
- информирование осужденных о своем статусе (из текста определения: «Как видно из показаний С., ему также был известен статус М. («смотрящий»), полномочия, обязанности М.» [54]);
- поддержание порядка в учреждении (из текста определения: «...отвечал за соблюдение порядка другими заключенными, не допускал возникновения конфликтных ситуаций» [4]).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «смотрящий» определяет, скорее, функцию назначенного «авторитетом» лица, чем сам по себе статус. Исследователями отмечается, что «смотрящим» за отрядом может

быть назначен имеющий «хорошую репутацию» «блатной» («бродяга») и даже лицо, относящееся к категории «мужик» – осужденный, собирающийся после освобождения вернуться к нормальной жизни и не относящийся к категории «блатных» [69, с. 12].

«Положенцем признается назначаемый «вором-в-законе» или группой «воров» преступный авторитет, обладающий таким же объемом полномочий, как у «вора-в-законе», но не имеющий права решающего голоса при принятии решения, поскольку ему необходимо получить согласие «авторитетного» человека, не обязательно вора-в-законе» [58, с. 33], так как не в каждом субъекте РФ такой есть.

Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ суд признал установленным тот факт, что некий Хатамов, указывая на свой статус «бродяги» в телефонных переговорах, имеет статус «положенца», из текста определения: «...за Алтайским краем официально положенец» [8].

«Бродяга» (синонимы «блатной», «козырной фраер», «авторитет», «арестант», «босьяк») – профессиональный преступник, осужденный по «непрезираемой» статье, признающий «тюремный закон», следующий «правильным понятиям», не работающий на зоне и не сотрудничающий с администрацией исправительного учреждения [69, с. 12]. Рассматриваемое понятие используется для обозначения широкого круга лиц, принадлежащих к верхним слоям тюремной иерархии, и может служить общим наименованием для «воров-в-законе», «сваяков», «авторитетных блатных», «пацанов», «приблатненных», «бойцов». Понятием «бродяга» в широком смысле охватывается наиболее профессиональная часть преступного мира [58, с. 28]. Ввиду такой широты трактовки термина круг полномочий и функций указанной категории не может быть конкретизирован.

Рассмотренные выше представители преступной иерархии, безусловно, стоят во главе криминального сообщества. В то же время в теоретических исследованиях и в практической деятельности нередко возникают дискуссии

о том, кого именно необходимо считать субъектами, находящимися в преступной иерархии на высшем положении. Таким образом необходимо определиться с категорией «высшее положение в преступной иерархии», больше всего вызывающей затруднения при применении норм уголовного законодательства об уголовной ответственности соответствующих лиц. Сложность в понимании данного термина определяется его лексическими характеристиками и семантической нагрузкой. Прилагательное «высшее» представляет собой простую форму превосходной степени сравнения прилагательного «высокое». В связи со сказанным, М.В. Максименко и Е.Е. Гашев делают вывод о том, что занимать «высшее положение» может лишь один человек, обладающий исключительными признаками [48, с. 15], так как превосходная степень обозначает, что какой-то признак проявляется в одном предмете в наибольшей или наименьшей степени, указывая на единичность, уникальность такой характеристики.

Если обратиться к словарному значению слова «высший», то оно означает самый главный, руководящий [51, с. 86]. Слово «иерархия» - порядок подчинения низших высшим [51, с. 167]. Исходя из приведенных словарных определений, под высшим положением в преступной иерархии можно понимать лицо, занимающее руководящее положение в сложившейся в преступном мире системе подчиненности низших участников высшим.

Далее следует рассмотреть понятие «занятие высшего положения в преступной иерархии». Разобравшись с тем, что понимается под «высшим положением в преступной иерархии», необходимо определиться с категорией «занятие». В словаре С.И. Ожегова «занять» означает:

- заполнить собой какое-либо пространство, промежуток времени;
- поместиться, расположиться где-нибудь;
- заинтересовать;
- дать делать что-нибудь кому-нибудь [51, с. 150].

Применительно к исследуемой категории имеют смысл первые два и последнее значения слова «занять», исходя из которых, можно сделать вывод

о том, что «занятие высшего положения в преступной иерархии» следует трактовать как «характеристику деяния по смыслу наделения или присвоения высших полномочий» [18, с. 82]. Однако для наделения или присвоения высших полномочий необходимо, чтобы такое лицо имело определенный криминальный статус, позволяющий занять высшее положение в преступной иерархии, т.е. относилось к лидерам, авторитетам преступного мира.

В целом, «занятие высшего положения в преступной иерархии» можно определить, как наделение руководящими полномочиями и присвоения лицу, обладающего определенным криминальным статусом, высшего положения в сложившейся в преступном мире системе подчиненности низших участников высшим.

Таким образом, по итогам настоящей главы исследования было установлено, что преступные лидеры, легализуя свою деятельность и проникая в важные сферы государственной, экономической, политической, экономической и другие сферы общественной жизни, выполняют свои функциональные обязанности, направленные на удовлетворение материальных потребностей преступным путем. Результатом деятельности таких лиц является развитие преступности, имеющая в некоторых сферах транснациональный характер, разложение морально-нравственных основ общества, нарушение прав и свобод законопослушных граждан и в целом, посягая на национальную безопасность государства.

Несмотря на общественную опасность, которую представляли и представляют сегодня преступные лидеры, вопросы предупреждения и профилактики их деятельности являлись приоритетной задачей пенитенциарных учреждений. Были выявлены особенности деятельности современных криминальных авторитетов, имеющей под собой определенную социальную базу, которая, формируется под воздействием экономической, идеологической политической и информационной политики. В связи со сложившейся ситуацией, предупреждение и противодействие криминальным авторитетам стало уже невозможно только посредством администраций

пенитенциарных учреждений. Поэтому, законодатель криминализировал деятельность таких лиц.

Таким образом, проведя анализ научных исследований и судебной практики, мы можем сделать вывод, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, помимо «воров-в-законе», следует как минимум причислять «смотрящих» и «положенцев».

Под «смотрящим» понимают представителя «вора-в-законе», который выполняет ряд управленческих функций, осуществляет контроль за соблюдением воровских наказов, обеспечивает взаимодействие участников криминального мира и др.

Полномочия «положенца» аналогичны тем, что имеются у «вора-в-законе», однако, при принятии им решения требуется одобрение со стороны «авторитета», наделившего его соответствующим статусом.

Отмеченные понятия используются для обозначения круга лиц, принадлежащих к верхним слоям тюремной иерархии, ими охватывается наиболее профессиональная часть преступного мира. Хотя точный круг полномочий и функций указанных категорий не может быть конкретизирован, эти представители преступной иерархии, безусловно, стоят во главе криминального сообщества.

В то же время представляется, что о лидерстве субъекта в преступной иерархии следует говорить и тогда, когда он независимо от неформального статуса ведет деятельность по формированию и управлению криминальным сообществом, руководит противоправными действиями, обеспечивает взаимодействие между преступными группами. Очевидно, что криминальная среда функционирует на основе неписаных традиций, и ее представители применяют в процессе взаимодействия некоторые понятия, не подлежащие толкованию в нормативных документах.

Глава 2 Юридическая характеристика лидерства в преступной иерархии по действующему законодательству

2.1 Объективные признаки состава занятия высшего положения в преступной иерархии

В теории уголовного права, к объективным признакам любого состава преступления относятся объект и объективная сторона.

Под «объектом преступления понимают круг общественных отношений, на которые посягает преступление и которым может быть причинен вред» [22, с. 60].

Как известно «родовой объект преступления определяется исходя из названия раздела Особенной части УК РФ, в которой расположен конкретный состав преступления» [22, с. 61]. В связи с чем, родовым, а также видовым и «непосредственным объектом занятия высшего положения в преступной иерархии является общественная безопасность» [22, с. 61]. И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина, также, исходя из структуры построения Особенности части УК РФ «объектом состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ называют отношения общественной безопасности» [56, с. 162]. Под общественной безопасностью «в доктрине понимают состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [1, с. 50].

П.В. Агапов, Н.В. Сальников и С.В. Кондратюк «указывают на общественную опасность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, которая заключается в оказании такими лицами значительного криминального влияния как в пределах отдельного преступного сообщества, так и во всей преступной среде» [1, с. 51]. Стоит согласиться, что «оказываемая преступными лидерами деятельность, направленная на распространение преступной идеологии» [59, с. 44], поддержание своим примером принципов и обычаев криминального мира и усиление влияния

уголовной среды на общественные социальные институты, в целом имеет антиобщественный характер и посягает на общественную безопасность. В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков также отмечают, что «общественная опасность занятия лицом высшего положения в преступной иерархии заключается в том, преступная деятельность благодаря таким лицам, являющимся хранителями криминальных традиций, становится более устойчивой» [18, с. 82].

Некоторые ученые считают, что посредством причинения вреда общественной безопасности данный состав преступления «посягает и на другие дополнительные объекты, в качестве которых могут выступать жизнь, здоровье, собственность, конституционные права и свободы человека и гражданина, а также экономическая деятельность» [19, с. 27].

По мнению И.В. Пантюхиной, «в диспозиции исследуемой нормы уголовного права в слове «занятие» не отражается никакого конкретного поведения» [57, с. 199]. Эта точка зрения позволяет исследователю резюмировать, что уголовная ответственность наступает за достигнутый лицом статус в преступном мире, что не приемлемо, так как нарушает принципы законности, справедливости и гуманизма.

М.С Кармановский и Е.В. Косьяненко так же считают, в ст. 210¹ УК РФ установлена ответственность не за то, что лицо совершает деяние, а за факт занятия им высшего положения в преступной иерархии [35, с. 148]. Тогда как факт занятия высшего положения в преступной иерархии, по словам А.В. Иванчина, «является не актом человеческого поведения, а характеристикой личности, ее состояния» [34, с. 161].

М.Л. Прохорова и Л.А. Прохоров, «рассматривая трактовку «занятия лицом высшего положения в преступной иерархии» как деятельности, направленной на наделение или присвоение высших полномочий, считают, что такая деятельность предшествует занятию определенного положения. Поэтому, по мнению ученых, в диспозиции ст. 210¹ УК РФ речь идет о

состоянии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» [67, с. 290].

Однако другая группа ученых отстаивают позицию наличия в диспозиции объективной стороны состава занятия высшего положения в преступной иерархии, которая никак не является характеристикой лица.

К примеру, А.Я. Гришко считает, что «объективная сторона состава занятия высшего положения в преступной иерархии выражается в форме бездействия, которое заключается в особом состоянии лица, при котором будучи хранителем преступных традиций, виновный оказывает влияние на активизацию преступного мира, формирование криминальной субкультуры, что создает реальную возможность причинения вреда общественной безопасности» [26, с. 47].

В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков «признают общественно опасным поведение лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, выражающееся в занятии ими высшего положения в преступной иерархии» [18, с. 84]. По мнению данных ученых, «объективная сторона исследуемого состава преступления может быть выражена как посредством действия (выполнение организационно-распорядительных, квазисудебных функций, влияние на принятие управленческих решений в преступных сообществах), так и бездействия (реальная возможность управления криминальной деятельностью)» [18, с. 84].

В.А. Новиков «объективную сторону занятия высшего положения в преступной иерархии определяет, как осуществление организационно-управленческой деятельности, представляющей собой стратегическое руководство уголовной средой, направленной на обеспечение функционирования организованной преступности» [50, с. 112]. Аналогичная позиция у иного автора, полагающего, что «высшее положение в преступной иерархии должно быть подтверждено конкретными действиями, по осуществлению управленческой и организационной деятельности, подборе и вербовке новых членов в преступные организации, поддержание дисциплины»

[10, с. 73], формирование материально-правовой базы сообщества и наличие механизма исполнения принимаемых таким лицом решений.

По мнению Е.В. Алехина «для привлечения лица к ответственности по ст. 210¹ УК РФ достаточно установить факт выполнения им функций лица, занимающего высшего положения в преступной иерархии, а именно организаторские, координирующие, коммуникативные, административные и арбитражные» [3, с. 94]. Подобная точка зрения у В.В. Берсенева, указавшего, что «объективную сторону данного преступления образуют действия конкретного лица, свидетельствующие о его возможности в силу занимаемого положения в преступной иерархии» [12, с. 49], оказывать влияние на поведение других лиц, занимающих ступени ниже в преступной иерархии.

Как можно заметить, рассмотренные выше позиции ученых основываются на том, что объективную сторону состава занятия высшего положения в преступной иерархии образуют только действия, направленные на непосредственное выполнение функций сообразно занимаемому положению в преступной иерархии.

Несколько шире раскрывают объективную сторону ст. 210¹ УК РФ другие ученые.

К примеру, по мнению К.А. Шилова объективная сторона «состава занятия высшего положения в преступной иерархии выражается в форме активных действий лица, которое вступило в преступную организацию и осуществляет руководство данной организацией. Кроме того, объективная сторона выражается и в действиях иных лиц, которые создают условия для существования преступного сообщества» [80, с. 84], а также допускают конкретное лицо к занятию им высшего положения.

П.А. Скобликов также объективную сторону описывает как «процесс, включающий два взаимосвязанных и обязательных действия:

- занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (как по его воли, так и помимо его воли);

- осуществление в соответствии с занимаемым преступным положением функций» [71, с. 150].

С.В. Кондратюк «объективную сторону исследуемого состава преступления определяет, как занятие высшего положение в преступной иерархии, которое определяет, как совокупность совершения следующих действий:

- приобретение статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии;
- получение статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии;
- осуществление деятельности сообразно статусу лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» [43, с. 49].

Отсутствие хотя бы одного из указанных действий, в соответствии с мнением С.В. Кондратюка, позволяет признать деяние неоконченным [43, с. 50].

Таким образом, по мнению данных ученых, объективная сторона рассматриваемого деяния образуется совокупностью действий, «направленных непосредственно на приобретение и получение данного положения и осуществления соответствующих функций» [12, с. 49].

Рассмотрим судебную практику в отношении объективной стороны данного состава преступления. Так, «органами следствия действия Г. были квалифицированы по ст. 210¹ УК РФ, который занимал и занимает высшее положение в преступной иерархии и имеет криминальный статус «смотрящего», тем самым совершил преступные противозаконные действия, направленные на формирование у населения (соприкасающегося с криминальной средой) мнения о его принадлежности к криминальной среде, его особо доминирующем положении в преступной иерархии, позволяющем вмешиваться в правоотношения с целью извлечения личной материальной выгоды. Таким образом, являясь доверенным лицом «вора в законе» ФИО7, который его определил на данный статус, был уполномочен выполнять от его

имени отдельные организационно - распорядительные, нормативно - регулирующие и дисциплинарные функции в пределах указанной территории в сфере преступной деятельности.

Так, согласно протоколов распечаток телефонных разговоров ФИО7, который согласно выводов следствия назначил Г. «смотрящим», период времени предшествующий 5 мая 2019 года ведет разговоры о Г. выражая им недовольство, просит забрать у Г. все документы, обсуждает многочисленные недостатки Г. как смотрящего за городом с лицами, отбывающими наказание, указывает на его плохие поступки, незнание последним «воровского уклада», ненадлежащее ведение «домовой книжки» - бухгалтерии «общака», отсутствие в домовой книге пронумерованных страниц, предательское отношение Г. к нему самому (ФИО7) и о своем желании назначить другого смотрящего. В тех же распечатках идет речь о снятии Г. с должности смотрящего за городом.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что Г. хотя и имел статус смотрящего в период с 12 апреля 2019 года по 5 мая 2019 года, однако никаким образом данный статус не реализовал своими реальными действиями, поскольку фактически не исполнял предъявленные ему органом предварительного следствия действия по формированию у лиц, соприкасающихся с криминальной средой, мнения о его особо доминирующем положении в преступной иерархии, позволяющем вмешиваться в правоотношения против общественной безопасности и нормального функционирования государственных, коммерческих, гражданских и иных взаимоотношений.

При этом, судом было указано на то, что исходя из уголовно-правового значения уголовного закона, ответственность по ст. 210¹ УК РФ наступает не за обладание криминальным статусом, а за совершение определенного общественно опасного деяния, в котором раскрываются основные способы его совершения и в частности, совершения тех действий, которые органом следствия инкриминируются Г. в период занятия им высшего положения в

преступной иерархии, в противном случае фабула предъявленного Г. обвинения не имеет никакого правового значения» [5].

Имеются практические примеры, когда «суды признают, что выполнение лицом конкретных действий, связанных с занятием данного положения, является признаком рассматриваемого состава преступления» [7].

По большей части данные факты по некоторым уголовным делам устанавливаются. В связи с чем, интерес представляет следующее уголовное дело.

Так, в приговоре Саратовского областного суда были приведены следующие обстоятельства дела, позволившие квалифицировать действия подсудимого по ст. 210¹ УК РФ.

«Отрицая общепринятые моральные принципы и правила поведения, имея родственные связи среди криминальных лидеров, Асатрян С.Э. пожелал реализоваться в уголовно-преступной среде. С целью занять высшее положение в преступной иерархии, Асатрян С.Э. решил придерживаться этих правил и традиций. После чего он доказал свою приверженность криминальной идеологии, необходимость соблюдать и пропагандировать понятия криминальной субкультуры, оправдывающие и поощряющие преступный образ жизни, проявив соответствующие качества и навыки.

Затем в ресторане «Золотой слон», Г.К.Ю., А.М.Ж., В.В.В., М.Т.С., П.Ю.В., Ш.В.Н., Г.А.Э., Х.В.А., У.А.Р., И.В.К. и иными лицами Асатрян С.Э. был признан и объявлен «вором-в-законе», т.е. лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии» [61].

Далее, «в целях подтверждения и демонстрации своего преступного статуса, а также в целях соблюдения, пропаганды традиций и обычаев криминальной субкультуры Асатрян С.Э. нанес на свое тело так называемые татуировки, свидетельствующие о том, что их носитель обладает высоким рангом в преступной иерархии, в частности, в «воровском» сообществе и позиционирует себя в криминальной иерархии как обладатель статуса «вора-в-законе».

Осуществляя свой преступный умысел и желая реализовывать приобретенные функции, Асатрян С.Э. в соответствии с занимаемым им высшим положением в преступной иерархии, а также стремясь повысить влияние в уголовно-преступной среде, обладая лидерскими качествами, волевыми, организаторскими и управленческими способностями, пренебрегая общепринятыми нравственно-этическими нормами поведения, совершил ряд преступлений, за которые был осужден по ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ и по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ» [61].

Кроме того, Асатрян С.Э. в период содержания его «под стражей и отбывания наказания в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества - в ФКУ СИЗО-2 и СИЗО-3 УФСИН России, занимая высшее положение в преступной иерархии, в целях утверждения своего положения и распространения влияния криминальной идеологии распределял сферы влияния в уголовно-преступной среде, присваивая высшие криминальные статусы своим доверенным лицам, признавал криминальные статусы авторитетов уголовно-преступной среды, отстранял неугодных ему лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии от исполнения ими своих функций, а также иными способами выполнял организационно-распорядительные, регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде в виде наложения запретов, а также дачи указаний в отношении лиц, содержащихся в ФКУ СИЗО-2 и СИЗО-3 УФСИН России» [61].

Асатрян С.Э., «после прибытия для отбывания наказания в тюрьму наличие у него криминального статуса «вор-в-законе», признанного другими лидерами уголовно-преступной среды, то есть занятие им высшего положения в преступной иерархии, выразилось в соответствующем «прогоне», распространенным в исправительном учреждении. После чего Асатрян С.Э. во время содержания в местах и учреждениях принудительной изоляции от общества, занимая высшее положение в преступной иерархии и продолжая реализовывать свой умысел в целях утверждения своего положения и

распространения влияния криминальной идеологии, распределял сферы влияния в уголовно-преступной среде, присваивая высшие криминальные статусы своим доверенным лицам, а также иными способами выполнял организационно-распорядительные, иные регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде:

- дистанционно, посредством конференц-связи с помощью мобильных устройств и сложившейся законспирированной системы коммуникации, используемой в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, наложил запрет на употребление наркотических средств и спиртных напитков в отношении лиц, находящихся в ФКУ ИК-2 УФСИН России;
- дистанционно, посредством конференц-связи с помощью мобильных устройств и сложившейся законспирированной системы коммуникации, используемой в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, назначил «смотрящими» С.К.Т., Н.О.Т., Б.М.М., уполномоченными выполнять отдельные организационно-распорядительные, иные регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде в пределах ИК-2;
- дистанционно, посредством конференц-связи с помощью мобильных устройств и сложившейся законспирированной системы коммуникации, используемой в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, объявил Ш.В.В., Ч.Д.В., А.С.А. лицами, занимающими низшее положение в уголовно-преступной среде, за совершение деяний, связанных с оказанием содействия правоохранительным органам» [61].

Асатрян С.Э. подтвердил наличие у прибывшего в данное учреждение А.Л.Х. статуса «вор-в-законе», а «путем распространения так называемого «воровского прогона» назначил «положенцем» Б.М.О., который должен был от имени Асатряна С.Э. осуществлять контроль над заключенными. Асатрян

С.Э. распространил «воровской прогон», которым не признал наличие у прибывшего в данное исправительное учреждение осужденного А.А.С. статуса «вор-в-законе», указав, что тот является самозванцем. Поведение Асатряна С.Э. в изоляторе было демонстративным, он объявлял голодовку, а также угрожал, что все заключенные предпримут меры к дезорганизации деятельности учреждения. Основными требованиями Асатряна С.Э. являлись отмена его изоляции от основной массы заключенных и предоставление возможности осуществления пропаганды так называемых «воровских» идей» [61].

«Умышленное противопоставление себя администрации исправительных учреждений, угрозы и шантаж в адрес ее представителей, демонстративное поведение подсудимого при его досмотрах в различных учреждениях уголовно-исполнительной системы, отказ от соблюдения правил внутреннего распорядка, многочисленные дисциплинарные взыскания, отказ от трудоустройства, позволили сделать суду вывод о том, что Асатрян С.Э. последовательно позиционировал себя как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, и совершал указанные действия в целях подтверждения и укрепления своего статуса, повышения авторитета в глазах других осужденных.

Об этом же свидетельствует и следование Асатряном С.Э. в общении с осужденными, сотрудниками правоохранительных органов правилам поведения, так называемому «воровскому ходу», а также наличие у Асатряна С.Э. татуировок, носящих скрытый, зашифрованный, но понятный смысл для лиц, приверженных криминальной идеологии» [61].

Субъекты, «содержавшиеся в ИК-2, ИК-17 и иных учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, безоговорочно воспринимали Асатряна С.Э. как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, имеющее неформальный криминальный статус «вор в законе», подчинялись его воле, указаниям, распоряжениям и выполняли его требования. Кроме того, С.К.Т., А.А.Ф., Н.О.Т., Б.М.М. под руководством

Асатряна С.Э. осуществляли внедрение и развитие криминальной идеологии среди лиц, содержащихся под стражей; разрешение спорных вопросов, в том числе по взысканию долгов; сбор денежных средств в так называемый «воровской общак» и дальнейшее их распределение между собой и другими лицами в уголовно-преступной среде» [61].

В связи с изложенным, действия Асатряна С.Э. были квалифицированы по ст. 210¹ УК РФ [61].

При рассмотрении другого уголовного дела Верховным Судом Республики Дагестан было установлено, что Абдулхаликов был наделен статусом «вора-в-законе» примерно в 1990 г., который сохранил до настоящего времени, будучи осведомленным о наличии в УК РФ ст. 210¹ УК РФ.

С «момента присвоения Абдулхаликову статуса «вор-в-законе» он продолжал его занимать, что подтверждено было тем, что, используя свой криминальный авторитет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии организовал, возглавил и провел в ресторане «Уллучай» «воровскую сходку», на которой принял решение о назначении на нижестоящий уровень преступной иерархии («смотрящим») лица, имеющего прозвище для идентификации в криминальной среде «Тамач». В соответствии с этим решением данное лицо стало обязанным: контролировать соблюдение сложившихся криминальных традиций; выполнять указания, принятые лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, и лицами, совершившими преступления, находящимися на более низких ее уровнях; на территории Республики Дагестан. Указанные действия Абдулхаликова создали угрозу общественной безопасности Российской Федерации» [64].

Суд учел, что «Абдулхаликов во время «воровской сходки» находился во главе стола, что в данной части соотносилось с показаниями специалиста Позднякова о том, что при нахождении на «воровской сходке» за столом лиц ниже по статусу «вора-в-законе» привилегированное место будет у «вора-в-законе». Среди присутствующих в указанное время за столом ресторана

«Улучай» находились лица, в т.ч. ранее судимые, что, по мнению суда, свидетельствует о признании ими непререкаемого и сохраняющегося статуса Абдулхаликова как «вора-в-законе». В том случае, если бы у Абдулхаликова статус «вора в законе» отсутствовал, решение о назначении лица «смотрящим» он принять не мог» [64].

Защитник Абдулхаликова указал на то, «что по делу не установлены наличие «общака» и организация Абдулхаликовым сбора денежных средств для его формирования. Однако суд отметил, что данные обстоятельства, не опровергают наличие у Абдулхаликова статуса «вора-в-законе», поскольку судом установлено, что обеспечение наполнения общей материальной воровской базы является лишь одной из многих других функций лица, занимающего высшего положение в преступной иерархии. При этом по смыслу ст. 210¹ УК РФ для вывода о занятии лицом такого положения отсутствует необходимость установления факта совершения лицом всех возложенных на него полномочий» [64].

Следует также отметить, что состав рассматриваемого деяния сконструирован законодателем как длящееся преступление, началом которого является момент фактического занятия субъектом высшего положения. Однако сложности возникают с моментом окончания данного уголовно-наказуемого деяния.

Как следует из Постановления № 23 Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» [60], «длящееся преступление характеризуется непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния, в общем случае начинается с какого-либо преступного действия или с акта преступного бездействия, и сопряжено с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования, тогда как окончание его совершения может происходить вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий,

препятствующих дальнейшему совершению преступления (например, после вмешательства органов власти)» [60].

Однако, данные положения Постановления № 23 сложно применить к составу занятия высшего положения в преступной иерархии, которое даже в случае привлечения лица к ответственности не означает прекращение занимаемого преступного статуса, а напротив укрепляет его.

Г.В. Перегожина считает, что «после отбытия наказания данное лицо, не считается утратившим своего статусом, если только само от него не откажется или его не лишится его, поэтому, исходя из принципов уголовного права (ст. 6 УК РФ) не может быть привлечено к ответственности» [59, с. 44]. Однако, как справедливо отмечает П.А. Скобликов, виновный несет наказание за преступные действия (бездействия) совершенные им до утверждения обвинительного заключения. Все преступные действия или бездействия, не охваченные приговором суда и совершенные после утверждения обвинительного заключения, не являются одним и тем же преступлением [72, с.49]. Поэтому состав ст. 210¹ УК РФ может быть окончен с момента прекращения статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Например, «обладание Д. высшим положением в преступной иерархии, применительно к положениям ст. 210¹ УК РФ, суд правильно исчислил со времени криминализации этого деяния, то есть с 12 апреля 2019 г., при этом, с учетом специфики рассматриваемого преступления, сам Дарчиев действий, направленных к прекращению преступления, не совершил. Помимо процедуры наделения того или иного лица статусом так называемого «вора в законе», в рассматриваемой преступной среде предусмотрена возможность и прекращения этого статуса. Так, существует не только принудительная система лишения этого статуса (на так называемой «сходке» другими лидерами преступной среды), но и возможность по своему желанию, то есть добровольно отойти от исполнения обязанностей так называемого «вора-в законе» (перейти в категорию так называемых «отказников» и т.д.).

Совокупность изложенных обстоятельств позволил суду первой инстанции прийти к правильному выводу о виновности Дарчиева в том, что он, желая и после апреля 2019 года осуществлять полномочия так называемого «вора-в-законе», осознавая при этом противоправность и наказуемость этого, продолжил занимать высшее положение в преступной иерархии и находиться в указанном статусе, придерживаясь правил и обычаев, принятых в преступной криминальной среде, в связи с чем суд правильно квалифицировал его действия по ст. 210¹ УК РФ - как занятие высшего положения в преступной иерархии» [6].

Таким образом, рассмотренные объективные признаки состава занятия высшего положения в преступной иерархии позволили определить объект и особенности объективной стороны преступления, установление которых на практике вызывает ряд сложностей. В первую очередь они связаны с тем, что диспозиция ст. 210¹ УК РФ лишь повторяет ее наименование, а не наполняет содержанием. В связи с этим весьма затруднительно определить признаки состава деяния, которые стали традиционными для уголовно-правовой доктрины нашего государства. Использование термина «занятие» неоднозначно, но на наш взгляд, законодатель верно понимает под ним совершение хотя бы одного умышленного действия, нацеленного на координацию деятельности любой общности лиц, условившихся о совершении преступлений, т. е. выполнение функций, соответствующих занимаемому статусу. В этом случае обладание статусом предполагает реализацию действий, способных выступить объективной стороной иного уголовно-наказуемого деяния. Полагаем, что такие действия законодателю следовало упомянуть в диспозиции исследуемой нормы УК РФ. Для того чтобы стать субъектом преступления, лицу не только необходимо обладать соответствующим статусом, но и реально осуществлять руководство над представителями криминального сообщества. Это должно быть подтверждено конкретными действиями, по осуществлению управленческой и организационной деятельности, подборе и вербовке новых членов в

преступные организации, поддержанию дисциплины, формированию материально-правовой базы сообщества и наличие механизма исполнения принимаемых таким лицом решений.

Рассматриваемое преступление будет оконченным в момент исполнения соответствующих функций.

2.2 Субъективные признаки состава занятия высшего положения в преступной иерархии

«С субъективной стороны каждое преступление и занятие высшего положения в преступной иерархии в том числе, характеризуется такими признаками, как субъект и субъективная сторона преступления» [25, с. 84].

Субъекту преступления законодатель выделил в Общей части УК РФ отдельную главу 4, в ст. 19 которой изложены «общие условия уголовной ответственности лица. Так, субъектом уголовной ответственности может быть только физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста 16 лет. Таким же общим характеристикам субъекта преступления должно отвечать и лицо, которое привлекается к ответственности по ст. 210¹ УК РФ. Однако субъект исследуемого состава преступления является специальным, т.е. помимо общих признаков обладает и специальными признаками, которым является занятие им высшего положения в преступной иерархии» [25, с. 86].

В первой главе настоящей работы были рассмотрены лица, относящиеся к лидерам преступного мира, а именно «положенцы», «воры-в-законе», «смотрящие» и «блатные». Основной вопрос, который возникает среди ученых относительно субъекта ст. 210¹ УК РФ, какие именно лица из преступной иерархии относятся к лицам, занимающим высшее в ней положение. Ответ на данный вопрос осложняется отсутствием в действующем уголовном законе понятия или пояснения законодателя по вопросу состава лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за занятие ими высшего положения в преступной иерархии. Например, в рамках одного

из дел «адвокат указал, что законодательство РФ не предусматривает уголовно наказуемого понятия «вор-в-законе», поэтому Б. не подлежит выдаче Республике Грузия в соответствии со ст. ст. 8, 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» [36]. Такая нормативная неопределенность является существенным недостатком, который значительно затрудняет применение ст. 210¹ УК РФ. Решить данную проблему возможно только соответствующими изменениями и дополнениями со стороны законодателя относительно того, какие конкретно лица относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии или указанием признаков лица, занимающего такое положение.

В «доктрине мнения ученых разделились на две группы. Одни ученые считают, что «вор-в-законе» тождественен лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии [23, с. 356] и, следовательно, только «воры-в-законе» могут являться субъектами ст. 210¹ УК РФ» [26, с. 87]. В отношении лиц, занимающих сравнительно низкое положение («смотрящий», «положенец») статья 210¹ УК РФ применяться не может, так как их действия зависимы и не должны противоречить интересам «вора-в-законе» [14, с. 76].

Однако, справедливо возражение тех ученых, которые указывают на то, «что «воры-в-законе» не всегда могут занимать высшее положение в преступной иерархии [68, с. 68] и более того, все «воры-в-законе» между собой равны, но среди них выделяются более авторитетные [21, с. 33]. В связи с чем, субъектами занятия высшего положения в преступной иерархии могут быть лица, относящиеся к преступной элите» [26, с. 49].

По мнению М.В. Максименко и Е.Е. Гашева, вряд ли справедливо судить о единичной задаче данной уголовно-правовой нормы, разработанной и введенной в действующее уголовное законодательство ради привлечения к уголовной ответственности одного единственного виновного. Очевидно, что нормы ст. 210¹ УК РФ не рассчитаны на массовое применение, однако и понимание ограниченности «круга их действия одним лицом будет неправильным. Логически следует предположить, что круг специальных

субъектов, обладающих признаками лидерства в преступной иерархии, определяется числом этих «преступных иерархий» в криминальной среде современного российского общества» [48, с. 16].

В.В. Бычков, «признавая, что на высшей ступени преступной иерархии находится «вор-в-законе», в тоже время отмечает, что отдельные его полномочия могут быть делегированы «положенцам» и «смотрящим», являющиеся доверенными лицами и имеющие авторитет» [19, с. 27] в криминальном мире. Кроме того, ученый считает, что особо высокое положение в преступном мире занимают держатели общака, «блатные». В связи с чем, В.В. Бычков делает вывод о том, что все указанные представители преступной иерархии могут «являться лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии» [19, с. 28].

В рамках расширительного похода к субъектам занятия высшего положения в преступной иерархии обозначилась позиция ученых, которые обращают внимание на то, что преступная среда в настоящее время имеет самые разнообразные варианты функционирования, в том числе и посредством легальных форм экономической деятельности, полномочий публичных органов власти. Поэтому, криминальными лидерами не всегда могут быть лица из числа «воров в законе», соблюдающие воровские законы или имеющие судимость [71, с. 144].

Н.А. Егорова и А.Г. Егоров на основании анализа норм ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ делают ряд умозаключений, позволяющие им прийти к выводу о том, что данные статьи по мысли законодателя не ориентированы только на «воров-в-законе» [31, с. 35]. Действительно, в «ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ отсутствуют криминологические признаки, характеризующие личность субъекта преступления, что дает возможность расширения числа лиц, которых можно привлечь к ответственности за данные виды преступлений» [28, с. 128]. Кроме того, санкции указанных норм уголовного закона в качестве наказания предусматривают штраф, исчисляемый в зависимости от размера заработной платы или иного дохода осужденного. Однако если исходить «из

характеристики «вора-в-законе», то такие лица не имеют заработной платы или иного легального источника дохода. В связи с чем, С.В Кондратюк предлагает субъектов занятия высшего положения в преступной иерархии не ограничивать только лицами, имеющими соответствующий криминальный статус («вор-в-законе», «положенец», «смотрящий»), а к их числу относить и лиц, у которых такой статус отсутствует, но в силу определенных своих личностных качеств осуществляют определенные функции преступного лидера и оказывающего влияние на деятельность преступного сообщества» [41, с. 76]. При этом, ученый приводит ряд признаков, характеризующих лицо, занимающего высшее положение в преступной иерархии и наличие которых позволяет виновное лицо привлечь к ответственности по ст. 210¹ УК РФ. Представляется, что данное направление является более перспективным, позволяющим расширить сферу применения ст. 210¹ УК РФ, что еще более укрепить законность в сфере противодействия организованной преступности.

Действующая судебная практика, несмотря на то, что по большей части в качестве виновных привлечены лица из числа «воров-в-законе» [6], признает субъектом преступления и «положенцев» и «смотрящих» [62].

Так, Верховным Судом Республики Дагестан при рассмотрении уголовного дела № 2-6/2021 было отмечено, что в «воровской иерархии» высшее положение занимает «вор-в-законе», за ним следуют «положенец», «смотрящий», «бродяга», «стремящийся». «Положенца» назначает «вор-в-законе», чему предшествует его обсуждение на «сходке». «Смотрящим» является лицо, имеющее авторитет и уважение в преступной среде, его задачей является контроль денег «общака». Под «бродягой» понимается лицо, которое всегда руководствуется определенными принципами арестантской жизни. «Стремящийся» – это заключенный, который стремится совершенствоваться в преступном мире, живет только по тюремным понятиям. Если нижестоящее лицо находится под контролем «вора-в-законе», то оно не вправе игнорировать его указания. Полномочия «вора в законе» достаточно обширны: он является инициатором «сходок», где обсуждаются все вопросы,

с согласия «сходки» или ближнего круга «вор-в-законе» решает организационные вопросы, определяет «смотрящего», «положенца», руководит теми направлениями, которые он должен курировать и откуда должны поступать деньги в «общак». Под «воровским общак» понимаются денежные средства, движимое и недвижимое имущество, принадлежащее конкретному преступному сообществу, которое возглавляет «вор-в-законе». Денежные средства из «общака», как правило, используются для поддержания преступной организации, члены которой находятся в местах лишения свободы, т.е. на покупку продуктов, иногда эти средства инвестируются в легальные или нелегальные сферы экономики. Источником «общака» являются деньги, получаемые от криминальной деятельности, т.е. вымогательства, как от организаций, так и физических лиц. Как правило, обнаружить «общак» очень сложно. «Воровской кодекс» обязывает «вора-в-законе» не иметь никаких контактов с государством, находиться вне любых общественных институтов, нельзя сотрудничать с чиновниками и правоохранительными органами. При нахождении на «воровской сходке» за столом лиц ниже по статусу «вора-в-законе» привилегированное место будет у «вора-в-законе». «Вор-в-законе» вправе «разжаловать» лиц, занимающих низшие статусы. Такая процедура происходит на «сходке» и может сопровождаться физическим насилием. На «сходке» может также рассматриваться вопрос об отказе «вора-в-законе» от своего статуса. Основанием к этому может служить преклонный возраст либо болезнь. О принятии такого решения воровской мир узнает через «воровской прогон» (записка с какой-то определенной информацией, которая передается в места лишения свободы). Если «воры-в-законе» попадают в места лишения свободы, они всегда найдут способ заявить о себе» [64].

Таким образом, для установления, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, необходимо выяснить какими функциями данное лицо было наделено.

Так, судом было установлено, что «Асатрян С.Э., являясь лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, был наделен следующими функциями:

- создание организованных групп для совершения преступлений, привлечение в них новых участников и распределение ролей между ними, планирование преступной деятельности, а также личное участие в совершении преступлений, в том числе определенной направленности – вымогательств, для извлечения преступных доходов;
- координация деятельности организованных групп и участников уголовно-преступной среды на территории своего криминального влияния, а также в Федеральных казенных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России, в том числе во время его содержания под стражей и отбывания наказания в этих учреждениях; обеспечение поддержки вышеуказанным лицам и их деятельности, а равно руководство ими при использовании своего криминального авторитета и статуса «вора-в-законе»;
- обеспечение безнаказанности преступной деятельности криминальных групп и участников уголовно-преступной среды путем устрашения, дискредитации неугодных лиц, установления и поддержки коррупционных связей;
- выступление в качестве «третейского судьи» при разрешении споров между представителями уголовно-преступной среды, в том числе между лидерами преступных групп;
- аккумулярование и учет преступных доходов, контроль, обеспечение пополнения и распределение «общака», которым является совокупность материальных ценностей и денежных средств, накапливаемых в целях ресурсной и финансовой поддержки отдельных представителей уголовно-преступной среды, членов организованных преступных формирований, в том числе

содержащихся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества;

- участие в «воровских сходках», сборах лидеров уголовно-преступной среды с целью решения вопросов, связанных с реализацией организационно-распорядительных, иных регулирующих и дисциплинарных функций в криминальной среде, реализуемых путем личных встреч, посредством конференц-связи с помощью мобильных устройств, либо путем письменных обращений лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, адресованных представителям уголовно-преступной среды, а также лицам, содержащимся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества;
- присвоение, понижение и лишение высших криминальных статусов - «положенец», «смотрящий», то есть назначение и отстранение лиц, уполномоченных выполнять отдельные организационно-распорядительные, иные регулирующие и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде в пределах определенной территории, в том числе в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, а также территории, находящейся под его криминальным влиянием;
- присвоение низшего криминального статуса за совершение деяний, негативно оцениваемых представителями криминальной среды, нарушающих неформальные нормы и правила, регламентирующие поведение представителей уголовно-преступной среды, либо причинивших вред жизни, здоровью, репутации, имуществу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в том числе связанных с оказанием содействия правоохранительным органам;
- наложение запретов на употребление наркотических средств, алкогольных напитков, употребление пищи (объявление голодовок)

в отношении лиц, содержащихся в учреждениях и местах принудительной изоляции от общества;

- соблюдение и пропаганда «воровских», преступных традиций и обычаев, формирование антисоциальных и преступных ценностей в обществе;
- выполнение иных организационно-распорядительных, иных регулирующих и дисциплинарных функций в уголовно-преступной среде, позволяющих контролировать различные направления деятельности криминальных структур и обеспечивать их существование» [61].

В другом приговоре «Куйбышевским районным судом г. Новокузнецка Кемеровской области при рассмотрении уголовного дела № 1-39/2020 было отмечено, что созданное преступное сообщество характеризовалось иерархичностью, строго соблюдалась подчиненность низшего звена высшему, соблюдение субординации согласно положению, занимаемому в преступной иерархии, беспрекословное подчинение лидеру. При этом, высшее в данном преступном сообществе занимали руководители организованных групп, которые именовались «старшими», а низшее звено, именуемое «молодыми», находились под контролем руководителей» [63].

Таким образом, «воры-в-законе» не тождественны «лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, а входят в категорию лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. При этом важно, что лицо, как занимающее высшее положение в преступной иерархии воспринимали в качестве такового и другие лица. Например, лица, содержащиеся под стражей в СИЗО-2 и СИЗО-3, иных учреждениях и местах принудительной изоляции от общества, безоговорочно воспринимали Асатряна С.Э. как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, имеющее неформальный криминальный статус «вор-в-законе», подчинялись его воле, указаниям, распоряжениям и выполняли его требования» [61].

Следующим обязательным признаком состава преступления, является его субъективная сторона. «Рассматриваемое преступление совершается только с прямым умыслом, направленным на занятия высшего положения в преступной иерархии. При этом такое лицо осознает, что занимает высшее положение в преступной иерархии и общественную опасность от своего противоправного статуса и желает этого» [42, с. 28]. Желание «занимать высшее положение в преступной иерархии образует волевой элемент умысла, так как без воли конкретного лица занятие высшего положения в преступной иерархии происходить не может. На практике указывается, что диспозиция ст. 210¹ УК РФ не предусматривает совершение преступления по неосторожности, поэтому в соответствии с положениями ст. 24, 25 УК РФ занятие высшего положения в преступной иерархии может быть совершено лишь с умыслом, прямым либо косвенным» [5].

Таким образом, анализ ст. 210¹ УК РФ позволяет резюмировать, что данная статья по мысли законодателя не ориентирована только на «воров-в-законе». В ней отсутствуют криминологические признаки, характеризующие личность субъекта преступления, что дает возможность расширения числа лиц, которых можно привлечь к ответственности за данные виды преступлений. Субъектом занятия высшего положения в преступной иерархии может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии и осуществляющий определенные функции преступного лидера и оказывающего влияние на деятельность преступного сообщества. С субъективной стороны рассматриваемый состав преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

2.3 Квалификация и законодательная регламентация занятия высшего положения в преступной иерархии

Квалификация занятия высшего положения в преступной иерархии выявляет ряд проблем, не только связанных с установлением объективных и субъективных признаков данного состава преступления.

Прежде всего, в доктрине поднимается вопрос о квалификации соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии [39, с. 24].

В частности, К.А. Шилов указывает на то, что в объективную сторону состава занятия высшего положения в преступной иерархии входят действия иных лиц, которые создают условия и допускают лицо к занятию соответствующего положения [80, с. 82].

По мнению И.В. Даниленко, С.А. Егорова и В.В. Берсенева, несмотря на очевидную коллизию права и противоречие теории квалификации, на данном этапе становления практики применения ст. 210¹ УК РФ говорить о соучастии, а также о совершении преступления группой лиц, не представляется возможным [28, с. 127].

Противоположную точку зрения обосновывает С.В. Кондратюк, отмечая общность взаимных действий соисполнителей и как следствие закономерный результат общих преступных последствий [39, с. 25].

Как уже отмечалось в настоящей работе при исследовании объективной стороны состава занятия высшего положения в преступной иерархии, объективная сторона определяется как совокупность совершения действий, направленных на приобретение статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, на получение этого же статуса и осуществление деятельности сообразно полученному статусу. Отсутствие хотя бы одного из указанных действий, С.В. Кондратюк расценивает как неоконченное преступление [43, с. 51].

Не отличается единообразием существующая судебная практика. Так, в одних случаях суды при установлении объективных признаков состава

занятия высшего положения в преступной иерархии устанавливают все обозначенные выше действия [5], а в других признают, что «выполнение лицом конкретных действий, связанных с занятием данного положения, не является признаком рассматриваемого состава преступления» [7].

Однако, как справедливо отмечено С.В. Кондратюком, «доведение состава занятия высшего положения в преступной иерархии до конца возможно только скоординированными действиями соучастников» [39, с. 25]. Сам процесс занятия лицом высшего положения в преступной иерархии представляет собой определенный ритуал, который подчиняется принятыми в воровском мире правилам и в котором участвуют другие лица. Без определенных действий со стороны других лиц, в частности, признание «вора в законе» с обязательным информированием других представителей преступного сообщества невозможно наступление преступного результата, т.е. получением лицом соответствующего преступного статуса, занятие им высшего в положения в преступной иерархии.

«Если рассматривать непосредственно действия соисполнителей, то следует отметить, что такой элемент объективной стороны, как получение высшего положения в преступной иерархии выполняют лица, являющиеся участниками «воровской сходки», на которой происходит «коронование» «вора-в-законе» и которые голосуют за присвоение данного статуса конкретному лицу. Такие лица, участвующие в «воровской сходке» по признаку выполнения части объективной стороны должны признаваться соисполнителями занятия высшего положения в преступной иерархии» [39, с. 26], т.е. речь идет о статусных лидерах. В качестве соисполнителей С.В. Кондратюк называет и лиц, которые распространяют информацию о признании конкретного лица «вором-в-законе», без чего преступление нельзя признать оконченным.

В качестве пособников С.В. Кондратюк называет лиц, «которые обеспечивают процедуру приобретения лицом статуса «вора-в-законе», т.е.

предоставляют соответствующее помещение, обеспечивают охрану, средства связи и др.» [39, с. 27].

При этом, все три элемента объективной стороны преступления (приобретение, получение статуса, и осуществление соответствующей статусу преступной деятельности) выполняет непосредственно только сам исполнитель, который в то же время не может приобрести данный статус без участия других лиц в необходимой для этого процедуре [39, с. 27].

С субъективной стороны действия соучастников также, как и действия исполнителя характеризуются умышленной формой вины, так как они осознают общественную опасность своих действий, осуществляют активные действия, направленные на достижение желаемого результата, а именно что бы конкретное лицо приобрело статус «вора-в-законе».

Действия исполнителя и соисполнителей следует квалифицировать по соответствующей части ст. 30 и ст. 33 УК РФ, т.е. как неоконченное преступление в случае, если по независящим от исполнителя обстоятельствам преступление не доведено до конца, т.е. лицо не приобрело соответствующего преступного статуса. Например, один из соучастников отказался от участия в «воровской сходке» или выступил против кандидатуры на получение данного статуса. Результатом таких действий стало неполучение лицом статуса «вора-в-законе».

Кроме того, С.В. Кондратюк пишет о возможности добровольного отказа от преступления, как исполнителя преступления, так и его соучастников. Так добровольный отказ от преступления исполнителем возможен путем публичного размещения информации в социальных сетях от приобретения лицом высшего положения в преступной иерархии. Деятельное раскаяние соучастников С.В. Кондратюк ставит в зависимость от факта добровольного публичного отказа исполнителя от приобретения статуса в преступной иерархии [39, с. 28].

Таким образом, данные вопросы относительно квалификации действий соучастников занятия высшего положения в преступной иерархии необходимо

решить на уровне высшей судебной инстанции в соответствующем постановлении Верховного Суда РФ применительно к ст. 210¹ УК РФ.

Следующей проблемой при квалификации состава занятия высшего положения в преступной иерархии является отграничение от ч. 4 ст. 210 УК РФ, предусматривающей ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии в организации или в участии в преступном сообществе. Часть 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ имеют одинаковые дефиниции. Однако по ч. 4 ст. 210 УК РФ ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, наступает за конкретные действия, указанные в диспозиции нормы, т.е. указанных в частях 1 и 1.1 ст. 210 УК РФ.

В п. 24 Постановления № 12 Верховный Суд РФ указал, какие конкретно действия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, позволяют квалифицировать по ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Например, «К.А.С. по ст. 210 ч. 4 УК РФ обвинялся в том, что занимая высшее положение в преступной иерархии, он не позднее 31.01.2005 г. создал действовавшее до 10.08.2012 г. преступное сообщество (преступную организацию) в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств; в период руководил этим сообществом (организацией) и входящими в него структурными подразделениями; координировал преступные действия, создавал устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, разрабатывал планы и создавал условия для совершения преступлений такими группами, делил сферы преступного влияния и преступных доходов между ними» [66].

Таким образом, по ч. 4 ст. 210 УК РФ ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, наступает только за действия, которые указаны в диспозициях ч. ч. 1 и 1.1 ст. 210 УК РФ. Состав ст. 210¹ УК РФ формальный и не зависит от наступления последствий в виде реализации объективной стороны или нет, а ответственность наступает за занятие высшего положения в преступной иерархии. В тоже время, «если лицо,

занимающее высшее положение в преступной иерархии совершило действия, образующие объективную сторону состава ч. 4 ст. 210 УК РФ, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, т.е. по ст. 210¹ и ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Однако при такой квалификации, как отмечают В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков, нарушается принцип справедливости, согласно которому никто не может нести ответственность дважды за одной и то же преступление» [18, с. 84].

Кроме того, предлагают в данном случае речь вести об общей и специальной норме и квалифицировать действия по правилам, изложенным в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Общей нормой является ст. 210 УК РФ, а специальной – ч. 4 ст. 210 УК РФ. «Поэтому, в случае организации или участия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии в преступном сообществе, то его действия следует квалифицировать по ч. 4 ст. 210 УК РФ, а дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 210¹ УК РФ не требуется» [78, с. 132].

Однако, как уже отмечалось, принципиальное отличие рассматриваемых составов состоит в том, что при квалификации по ст. 210¹ УК РФ не требуется создание, руководство, координация и другие действия по смыслу ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. При этом, состав преступления, предусмотренный ст. 210¹ УК РФ является дящимся преступлением, на фоне которого совершаются иные преступления.

Поэтому, данный вопрос также необходимо решить посредством соответствующего разъяснения Верховным Судом РФ.

Проведенный анализ юридических признаков лидерства в преступной иерархии, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, «было установлено, что объект занятия высшего положения в преступной иерархии является общественная безопасность. Общественная опасность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, заключается в оказании такими лицами значительного криминального

влияния как в пределах отдельного преступного сообщества, так и во всей преступной среде. Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии образуется совокупностью действий, направленных непосредственно на приобретение и получение данного положения и осуществления соответствующих функций» [9, с. 26].

В судебной практике встречаются случаи, когда привлечение члена организованного преступного формирования к уголовной ответственности осложняется отсутствием в действующем российском уголовном законе понятия «вор-в-законе». Поэтому следует согласиться с тем, что такая нормативная неопределенность является существенным недостатком, который значительно затрудняет применение ст. 210¹ УК РФ. Решить данную проблему возможно только соответствующими изменениями и дополнениями со стороны законодателя.

Во-вторых, субъектом уголовной ответственности может быть только физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии. К субъектам занятия высшего положения в преступной иерархии относятся не только лица, имеющие соответствующий криминальный статус, но и лица, у которых такой статус отсутствует, но в силу определенных своих личностных качеств осуществляют определенные функции преступного лидера и оказывающего влияние на деятельность преступного сообщества. Рассматриваемое преступление совершается только с прямым умыслом, направленным на занятия высшего положения в преступной иерархии.

В-третьих, при квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии можно выделить действия соисполнителей, так как доведение данного преступления до конца возможно только посредством скоординированных действий нескольких лиц. Соисполнители выполняют такие действия объективной стороны состава преступления, как получение высшего положения в преступной иерархии.

При этом, все три элемента объективной стороны преступления (приобретение, получение статуса, и осуществление соответствующей статусу преступной деятельности) выполняет непосредственно только сам исполнитель, который в то же время не может приобрести данный статус без участия других лиц в необходимой для этого процедуре.

При квалификации состава занятия высшего положения в преступной иерархии необходимо данное преступление отграничивать от ч. 4 ст. 210 УК РФ. Принципиальное отличие данных составов состоит в том, что при квалификации по ст. 210¹ УК РФ не требуется создание, руководство, координация и другие действия по смыслу ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. При этом, состав преступления, предусмотренный ст. 210¹ УК РФ является длящимся преступлением, на фоне которого совершаются иные преступления.

Заключение

Внутри преступной среды создается определенная преступная иерархия, в которой каждый член получает определенный криминальный статус, в соответствии с которым наделяется кругом полномочий и функций. На вершине преступной иерархии стоит «вор-в-законе». Между тем, формальное равенство этих субъектов может нарушаться исходя из масштабов криминальной деятельности, размеров финансового оборота, величины территории влияния и прочих факторов. Также весьма важна поддержка со стороны иных участников криминального мира и то, по каким статьям УК РФ он был привлечен к ответственности.

Ранее противодействие и предупреждение деятельности преступных лидеров осуществлялась не в рамках правового поля, а посредством разобщения криминальных группировок и дискредитации их лидеров. До недавнего времени, таких методов борьбы с криминальными авторитетами было достаточно. Однако, сегодня преступные лидеры, легализуя свою деятельность и проникая в важные сферы государственной, экономической, политической, экономической и другие сферы общественной жизни, выполняют свои функциональные обязанности, направленные на удовлетворение материальных потребностей преступным путем.

Результатом деятельности таких лиц является развитие преступности, имеющая в некоторых сферах транснациональный характер, разложение морально-нравственных основ общества, нарушение прав и свобод законопослушных граждан и в целом, посягательство на национальную безопасность государства.

В связи со сложившейся ситуацией, предупреждение и противодействие криминальным авторитетам, деятельность которых по большей части вышла из тени, стало уже невозможно только посредством администраций пенитенциарных учреждений. В связи с этим законодатель криминализировал деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч.

4 ст. 210) и само занятие такого положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ).

Основным объектом преступления является общественная безопасность, но посредством причинения вреда данный состав преступления посягает и на другие дополнительные объекты, в качестве которых могут выступать жизнь, здоровье, собственность, конституционные права и свободы человека и гражданина, а также экономическая деятельность.

Объективная сторона рассматриваемого состава выражается в форме активных действий лица, которое вступило в преступную организацию и осуществляет руководство данной организацией. Это должно быть подтверждено конкретными действиями, по осуществлению управленческой и организационной деятельности, подборе и вербовке новых членов в преступные организации, поддержанию дисциплины, формированию материально-правовой базы сообщества и наличие механизма исполнения принимаемых таким лицом решений.

Установление объективной стороны на практике вызывает ряд сложностей. В первую очередь они связаны с тем, что диспозиция ст. 210¹ УК РФ лишь повторяет ее наименование, а не наполняет содержанием. В связи с этим весьма затруднительно определить признаки состава деяния, которые стали традиционными для уголовно-правовой доктрины нашего государства. Использование термина «занятие» неоднозначно, но на наш взгляд, законодатель верно понимает под ним совершение хотя бы одного умышленного действия, нацеленного на координацию деятельности любой общности лиц, условившихся о совершении преступлений, т. е. выполнение функций, соответствующих занимаемому статусу. В этом случае обладание статусом предполагает реализацию действий, способных выступить объективной стороной иного уголовно-наказуемого деяния. Полагаем, что такие действия законодателю следовало упомянуть в диспозиции исследуемой нормы УК РФ. Для того чтобы стать субъектом преступления, лицу не только необходимо обладать соответствующим статусом, но и реально осуществлять

руководство над представителями криминального сообщества. Рассматриваемое преступление будет оконченным в момент исполнения соответствующих функций.

Вопрос о субъекте преступления вопрос осложняется отсутствием в действующем уголовном законе пояснений о лицах, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за занятие ими высшего положения в преступной иерархии. В судебной практике встречаются случаи, когда привлечение члена организованного преступного формирования к уголовной ответственности осложняется отсутствием в действующем российском уголовном законе понятия «вор-в-законе». Поэтому следует согласиться с тем, что такая нормативная неопределенность является существенным недостатком, который значительно затрудняет применение ст. 210¹ УК РФ.

Проведя анализ научных исследований и судебной практики, мы можем сделать вывод, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, помимо «воров-в-законе», следует как минимум причислять «смотрящих» и «положенцев». Отмеченные понятия используются для обозначения круга лиц, принадлежащих к верхним слоям тюремной иерархии, ими охватывается наиболее профессиональная часть преступного мира. Хотя точный круг полномочий и функций указанных категорий не может быть конкретизирован, эти представители преступной иерархии, безусловно, стоят во главе криминального сообщества.

В то же время представляется, что о лидерстве субъекта в преступной иерархии следует говорить и тогда, когда он независимо от неформального статуса ведет деятельность по формированию и управлению криминальным сообществом, руководит противоправными действиями, обеспечивает взаимодействие между преступными группами. Очевидно, что криминальная среда функционирует на основе неписаных традиций, и ее представители применяют в процессе взаимодействия некоторые понятия, которые в настоящее время не подлежат толкованию в нормативных документах.

Решить данную проблему возможно только соответствующими изменениями и дополнениями со стороны законодателя относительно того, какие конкретно лица относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии или указанием признаков такого лица.

Рассматриваемое преступление реализуется исключительно с прямым умыслом, направленным на занятие высшего положения. При этом такое лицо осознает, что состоит в данном статусе и его общественную опасность, и желает этого. Это осознание образует интеллектуальный элемент умысла лица, на который указывает осуществление им активной криминальной деятельности и выполнение соответствующих функций. Желание занимать это положение образует волевой элемент умысла, так как без воли конкретного лица занятие высшего положения происходить не может.

При квалификации рассмотренного состава уголовно-наказуемого деяния можно выделить действия соисполнителей, так как доведение преступления до конца возможно только посредством скоординированных действий нескольких лиц. Соисполнители выполняют такие действия объективной стороны состава преступления, как получение высшего положения в преступной иерархии. При этом, все три элемента объективной стороны преступления (приобретение, получение статуса, и осуществление соответствующей статусу преступной деятельности) выполняет непосредственно только сам исполнитель, который в то же время не может приобрести данный статус без участия других лиц в необходимой для этого процедуре.

При квалификации необходимо данное преступление отграничивать от ч. 4 ст. 210 УК РФ. Принципиальное отличие данных составов состоит в том, что по ст. 210¹ УК РФ не требуется формирование, руководство, координация и прочие действия по смыслу ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. При этом криминальное деяние, наказуемое по ст. 210¹ УК РФ является длящимся, на фоне которого совершаются иные посягательства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапов П.В., Сальников Н.В., Кондратюк С.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49-55.
2. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры / Ю.К. Александров. – Москва : Права человека, 2002. 148 с.
3. Алехин Е.В. Установление факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2 (28). С. 92-96.
4. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 05.10.2016 г. по делу № 22-5764/2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=e6e691a23489628f2409b53aee9dac74&shard> (дата обращения: 20.02.2022).
5. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 09.09.2021 г. по делу № 55-440/2021. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 22.11.2021 г. № 55-1604/2021[Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
7. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 г. по делу № 55-630/2021. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 51-АПУ18-4. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. Бажутов С.А., Кунашев А.А. Снова к вопросу об уголовной ответственности лидеров преступной среды // Уголовное право. 2024. № 5. С. 3–12.

10. Беларева О.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и правоприменения // В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2021. С. 72-75.
11. Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2.
12. Берсенева В.В. Актуальные проблемы применения уголовно-правовых норм об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // В сборнике: Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению. Сборник материалов международной научно-практической конференции: в 3 ч. Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. Вологда, 2021. С. 47-54.
13. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11-16.
14. Боровых Л.В., Соловьева Е.А. Проблемы привлечения лица к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 2. С. 74-80.
15. Брюхнов А.А., Кутякин С.А., Напханенко И.П. Историко-криминологический анализ состояния противодействия вора в законе и криминальным авторитетам в местах лишения свободы в конце 80-х – начале 90-х годов XX века // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 50-55.
16. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // Криминалистика. 2020. № 2 (31). С. 14-19.

17. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. №.
18. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // В сборнике: Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. 2019. С. 81-85.
19. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210¹ УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21). С. 26-31.
20. Васильева Т.В. Законодательное регулирование ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемный аспект // Вестник Калужского университета. 2021. № 1 (50). С. 26-28.
21. Галкин Е.Б., Ныриков С.А. Лидеры организованных сообществ // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 32-37.
22. Гаухман Л.Д. Квалификация преступления: закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИфоР, 2003. 448 с.
23. Горбунов О.А. Некоторые вопросы, связанные с субъектом преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ // Преступность, национальная безопасность, бизнес / Под ред. А.И. Долговой. - М. : Российская криминологическая ассоциация, 2012. С. 356-366.
24. Гриб В.Г. Характеристика и особенности личности лидеров и участников преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах // Правотворчество и правоприменительный процесс в современной России. Вып. 1. М. : МФПА; Маркет ДС, 2007. С. 154-169.

25. Гриненко А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. N 4. С. 2-4.

26. Гришко А.Я. Уголовная ответственность лидеров преступного мира: вопросы реализации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 1 (87). С. 46-51.

27. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3. С. 84-88.

28. Даниленко И.В., Егоров С.А., Берсенов В.В. Актуальные проблемы применения уголовно-правовых норм об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Прокурор. 2021. № 2. С.127-131.

29. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.09.2024).

30. Долгова А.И. Организованные криминальные реалии и проблемы уголовно-правового реагирования на них // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики: Сб. науч. тр. С. 28 - 29.

31. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 34-44.

32. Ефимкин М.С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98-99.

33. Иванов Н.Г. Гуманизм в уголовном праве - упоение соблазнами // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. чл.-кор. РАН А.Н. - Савенкова. М., 2019.

34. Иванчин А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / Под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 159-161.
35. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210¹ УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147-152.
36. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.07.2012 г № 51-О12-31[Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
37. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 51-57.
38. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. С. 49 - 53.
39. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.
40. Кондратюк С.В. Криминологическая профилактика занятия высшего положения в преступной иерархии // В сборнике: Криминологические чтения. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России. В 2-х томах. Науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Н.С. Маркова. Улан-Удэ, 2021. С. 258-264.
41. Кондратюк С.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 75- 80.

42. Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (46). С. 26-35.

43. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

44. Коряковцев В.В. Криминалистические и уголовно-правовые аспекты доказывания высшего положения лица в преступной иерархии // Теоретико-прикладные аспекты взаимосвязи криминалистики и уголовного процесса: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2013.

45. Кузьмин А.В. «Воры в законе» в СССР и России // Научный компонент. 2019. № 3 (3). С. 110-117.

46. Куракин А.В., Сухаренко А.Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 28 - 31.

47. Кутякин С.А. Влияние «воров в законе» на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2(18). С. 65.

48. Максименко М.В. Современная структура и состояние преступной иерархии / М.В. Максименко, Е.Е. Гашев. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. 45 с.

49. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Предпосылки преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // В книге: Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий. Материалы V международной научно-практической конференции. Донецк, 2021. С. 130-133.

50. Новиков В.А. Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовой аспект // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 108-120.

51. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 530000 слов / Под общ.ред. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс», 2007. 640 с.

52. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2023 N 67-УД23-2-А5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=752476&cacheid=7A682859BD27D92D864713263E65C976&mode=splus&rnd=nbS4TQ#anRdyLUIIDMTN408S> (дата обращения: 12.08.2024).

53. Определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 16 августа 2022 г. по делу № 55-334/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_orp=doc&number=... (дата обращения: 12.08.2024).

54. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2022 N 20-УД22-6А3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=727464&cacheid=F2E47259DD9D617A8EA1764B3A0F9CD8&mode=splus&rnd=nbS4TQ#KbtfyLUfbwftkPjV> (дата обращения: 12.08.2024).

55. Оценочные признаки в Уголовном кодексе РФ: научное и судебное толкование: научно-практ. пособие / Под ред. А.В. Галаховой. – Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2014.

56. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 2101 УК РФ) // Lexrussia (Русский закон). 2020. № 10 (167). С. 159-170.

57. Пантюхина И.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) как состав преступления // В сборнике: Новеллы права, экономики и управления 2019. сборник научных трудов по материалам V международной научно-практической конференции. 2020. С. 199-204.

58. Пенитенциарное сообщество: учебно-практическое пособие / Под общ.ред. А.А. Вотинова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016.

59. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43–48.

60. Постановление 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 г. (ред. от 14.03.1963) «Об условиях применения давности и амнистии к деящимся и продолжаемым преступлениям». [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

61. Приговор Саратовского областного суда от 01.06.2021 г. по уголовному делу № 2-2/2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6929608&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2022).

62. Приговор Верховного Суда Республики Тыва № 22-508/2019 от 07.05.2019 г. по делу № 22-508/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/z012c6eexXUO/> (дата обращения: 20.02.2022).

63. Приговор Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области № 1-39/2020 1-435/2019 от 18.02.2020 г. по делу № 1-39/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/XcKAkBwLoILL/?regular-txt=> (дата обращения: 22.02.2022).

64. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 11.10.2021 г. по уголовному делу № 2-6/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://vs-->

dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4700565&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2022).

65. Приговор Вологодского областного суда от 2 декабря 2021 г. по делу № 2-2/2021, апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 16 августа 2022 г. по делу № 55-334/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=... (дата обращения: 12.08.2024).

66. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 15.11.2018 г. по делу № 2-1/2018[Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

67. Прохорова М.Л., Прохоров Л.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: эволюция уголовно-правового «статуса» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 289-292.

68. Рагулин А.В., Фефелов В.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67-70.

69. Ромашов Р.А. Пенитенциарная преступность: категориально-феноменологический и структурно-функциональный анализ // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3(11).

70. Сводные отчеты федерального статистического наблюдения по форме № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» по России за 2019 и 2020 годы // Единая межведомственная информационно-статистическая Система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/form/10256> (дата обращения: 01.03.2022).

71. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 2101 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144 - 152.

72. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 43-51.

73. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М., 2022. С. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 01.03.2022).

74. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

75. Федеральный закон от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.

76. Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СЗ РФ. 2019. № 14 (Ч. 1). Ст. 1459.

77. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического ин-та МВД России. 2014. № 4 (18). С. 50-55.

78. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132 – 137.

79. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110-123.

80. Шилов К.А. О некоторых проблемных вопросах, возникающих при привлечении лица в качестве обвиняемого за занятие высшего положения

в преступной иерархии // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2020. № 4 (6). С. 82-86.